

Людмила Сараскина
Государственный институт искусствознания
(Москва)

**Вольтер и Толстой: эмиссары Просвещения.
Параллели и созвучия**

По определению Эммануила Канта, суть Просвещения – это **«мужество пользоваться своим собственным умом»**. Идеалы, которые отстаивали Вольтер и Толстой, не утратили своей жизненной силы и сегодня. Понятие «просветитель» активно присутствует в культуре, а звание «просветитель» по-прежнему достойно и почетно. Говоря о Вольтере и Толстом как о выдающихся просветителях, назову три параллели, где созвучия между ними наиболее очевидны: **писатель и власть, мыслитель и вера, человек и смерть**.

В течение 20 лет просветительская деятельность Вольтера протекала в Фернее: паломничество к нему стало почти обязательным для просвещенного путешественника. У Толстого его Фернеем стала Ясная Поляна, столь же легендарное место паломничества.

Вольтер был некоронованным королем Европы – к нему ездили на поклон сильные миры сего. О Толстом современник писал: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее?». Вольтер полагал, что монархи – это граждане на троне, которые обязаны проводить в жизнь принципы гуманизма, просветительства и культуры. Живым символом гражданского достоинства стал и Толстой, адресуясь к Николаю II в том самом стиле равенства, который завещал Вольтер.

Будучи деистом, а не безбожником, и борясь против религиозного фанатизма, Вольтер проповедовал идеи религиозной терпимости. Истинным мучеником веры, русским Вольтером выступил и поздний Толстой. Выражая общее недовольство официальным православием, Толстой дерзнул стать творцом нового христианства.

Оба просветителя при жизни преследовались, их сочинений запрещались; мытарства обоих продолжились и за пределами земного бытия – предсмертные и посмертные злоключения богоискателей поражают воображение.

Ключевые слова: Вольтер, Толстой, Кант, Просвещение

Liudmila Saraskina
State Institute of Art Studies (Moscow)

**Voltaire and Tolstoy as Emissaries of the Enlightenment:
Parallels and Consonances**

According to Immanuel Kant, the essence of the Enlightenment may be

summarised in the dictum: «Have the courage to use your own understanding!» The ideals of the Enlightenment, asserted by Voltaire and Tolstoy, are very much alive and vital till today. The concept of «enlightener» has a place of honour in our culture; the title of «enlightener» is still a sign of distinction. Talking about Voltaire and Tolstoy as distinguished enlighteners, I will name the three spheres (or the three pairs of relations) where the similarities, the consonances between them are the most obvious: **an author and the state power, a thinker and religious faith, a human being and death.**

For twenty years the venue of Voltaire's enlightening activities was his estate in Ferney. A pilgrimage to Ferney became almost a must for any enlightened traveller. In Tolstoy's case, his Ferney was the estate of Yasnaya Polyana, also a legendary place of pilgrimage.

Voltaire was an uncrowned king of Europe; men of power considered it an honour to pay him a visit. As for Tolstoy, a comment by a contemporary is well known: «We have two tsars in Russia: Nicholas II and Lev Tolstoy, and I wonder which is more powerful». Voltaire believed that monarchs are citizens on thrones whose obligation is to put into practice the principles of humanism, enlightenment and culture. Tolstoy became a living symbol of civil dignity: he addressed his letters to Nicholas II in the spirit of equality bequeathed by Voltaire.

Being a deist, rather than an atheist, Voltaire fought against religious fanaticism and preached the ideas of religious tolerance. Tolstoy, by the end of his life, became a veritable martyr for faith, a kind of Russian Voltaire. Expressing a general discontent with the official Orthodox Christianity, Tolstoy dared become a creator of a new Christianity.

Both Voltaire and Tolstoy, the two enlighteners, were persecuted during their life times, their works were prohibited. The ordeals of both continued beyond the limits of their earthly existence: the posthumous vicissitudes of those two God-seekers challenge imagination.

Key words: Voltaire, Tolstoy, Kant, Enlightenment

Если согласиться с определением Иммануила Канта из его статьи 1784 года, что суть эпохи Просвещения – это иметь мужество пользоваться своим собственным умом (*Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!*)¹, нужно признать и принципиальную установку, девиз эпохи Просвещения – считать разум высшим авторитетом и главным ответчиком за этический статус просвещенных граждан. Просвещение – это попытка человека выйти из несовершеннолетия, в котором он застрял по своей вине.

Много позже культурное движение Европы и Северной Америки конца

¹ См.: «*Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения». *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (1784) // *Кант И.* Собр. соч. в 6-ти томах. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 6. 1966. С. 25.

XVII–XVIII в., которое ставило своей целью распространение научного знания, политических свобод, общественного прогресса, разоблачало предрассудки и суеверия, будет подвергнуто суровой критике за идеализацию человеческой природы, за оптимистическое доверие прогрессу, за дерзость поклоняться разуму, за подрыв устоев и традиций. В наше время часто говорят о всемирно-историческом провале просвещенческого проекта, справляют поминки по Просвещению, ожидая только сроков, когда иссякнет инерция старых институтов и идеалов.

Не буду спорить с инициаторами поминок, скажу лишь, что те человеческие идеалы, которые отстаивали герои нашей конференции, не обветшали и не утратили своей жизненной силы. Понятие «просветитель» активно присутствует в культуре, а звание «просветитель» в высшем смысле достойно, чтобы за него хотелось побороться.

Говоря о Вольтере и Льве Толстом как о выдающихся просветителях, живших в разное время, в разных странах и в разных языковых культурах, хочу назвать три параллели, где созвучия между ними наиболее очевидны: *писатель и власть, мыслитель и вера, человек и смерть*.

Вольтер старше Толстого на 134 года, время Вольтера – XVIII век, время Толстого – век XIX. Вольтер захватил пятилетие XVII века, Толстой – заглянул в десятилетие XX века. Оба дожили до почтенного возраста: Вольтер до 83-х лет, Толстой – до 82-х лет.

Для Вольтера тем местом, где в течение двадцати лет разворачивалась его просветительская деятельность, стал Ферней: там он принимал гостей со всей Европы, и паломничество к нему стало чуть ли не обязательным для всякого просвещенного путешественника. Отсюда велась обширнейшая переписка. К числу его корреспондентов принадлежали прусский король Фридрих II, российская императрица Екатерина II, польский король Станислав Август Понятовский, шведский король Густав III, датский король Христиан VII.

Для Толстого его Фернеем стала Ясная Поляна, не менее легендарное место паломничества современников русского писателя и новых поколений его почитателей.

I. Писатель и власть

Вольтер стал некоронованным королем Европы. К нему ездили на поклон сильные миры сего. Ему писали монархи, стараясь понравиться или заручиться поддержкой. За его турниром с Фридрихом II следила вся Европа, и окончился этот поединок моральной победой Вольтера. Философ сумел утвердить свой взгляд на власть, видя ее не на пьедестале и показывая, что личные качества выше королевского сана. Он изобразил королей простыми смертными, призвал граждан видеть в них своих братьев, внушал мысль о равенстве.

Иначе говоря, Вольтер поднял руку (то есть свое перо) на власть. Он писал Фридриху II, в бытность того наследным принцем: «Принц, мало королей, которые обучаются у муз, мало королей, которые просвещают руководимые им народы... Только двое-трое из них – чудо в истории –

заслужили славы философов, остальные – как вам известно – это самые обыкновенные короли, рабы наслаждений, гордые угнетатели законов, обуза природы, бичи земли, спящие на троне или мечущие грома»².

Такой дерзости французский абсолютизм не мог простить Вольтеру никогда. Все попытки Вольтера предложить Людовику XV свои услуги и быть полезным ему в качестве дипломата либо советника, ничего не получилось, ибо философ в любом случае требовал к себе не только уважения, но и признания своей компетентности. А ему предложили малую малость – быть всего навсего камергером и придворным историографом. Спустя столетие ситуация повторится с камер-юнкером А.С. Пушкиным (1833). «Не жалко ли вам беднягу, который стал в пятьдесят лет королевским шутком, – напишет Вольтер в 1745 году. – Я мечусь между Парижем и Версалем, пишу стихи в пути. Нужно восхвалять короля торжественно, супругу дофина утонченно, королевскую семью нежно, ублажать двор и не раздражать город»³.

Впрочем, Вольтер откровенно писал в мемуарах, имея в виду свою переписку и с Фридрихом II, и с Екатериной II, наполненную куртуазными, а то и льстивыми оборотами, которые он сам считал данью этикету, «эпитеты нам ничего не стоили»⁴.

Вольтер мечтал влиять на образование будущего монарха Фридриха II, обучать его международной политике, взывал к его гражданскому долгу, напоминал, что король – это гражданин на троне, подробно рассказывал о созидательной деятельности Петра I в России, надеялся, что прусский монарх будет проводить в жизнь принципы гуманности, просветительства и культуры. Философ много раз доказывал, что солдатские увлечения Фридриха не вяжутся с образом поэта Орфея, ибо поэт не может любить насилие, кровь, грабежи.

Однако Вольтер вынужден был убедиться, что Фридриху была желанна одна лишь война, только к ней, а не к стихам и не к философии, он был по-настоящему привязан. Соединить прусского монарха с идеями Просвещения и античной поэзией не вышло.

Править стихи короля, «полоскать белье», быть «прачкой» при монархе, то есть подвергаться унижению, для Вольтера было неприемлемо. Он надеялся на союз личностей равных, где общаются не короли и вассалы, а человеческие личности в самом глубоком смысле слова. Философ свободен и в кандалах, – полагал Вольтер, однако кандалы от Фридриха слишком уж были тяжелы. «При дворе всякий философ обращается в раба... Петь только по обязанности – для меня это значит не жить»⁵.

В конце концов Вольтер взбунтовался и уехал от Фридриха: это был мятеж, протест, монарх же разгневался и повел себя как истинный сатрап. Вольтер не ошибся.

Свободолюбие, защита прав несправедливо обвиненных и осужденных,

² Цит. по: Век Просвещения. Москва – Париж: Наука, 1970. С. 232.

³ Там же. С. 232–233.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Там же. С. 236–237.

победа над клерикалами посредством блестящего пера и остроумия сделали Вольтера вождем Просвещения. «Без сомнения, смех одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния. От смеха падают идола, падают венки и оклады, и чудотворная икона делается почернелой и дурно нарисованной картинкой. С этой революционной, нивелирующей силой смех страшно популярен и прилипчив; начавшись в скромном кабинете, он идет расширяющимися кругами до пределов грамотности»⁶, – скажет А.И. Герцен.

Призыв Вольтера возделывать свой сад означал не просто совет каждому заниматься своим делом. Следовало не оставлять свой сад без попечения, без ежедневной заботы – иначе сад превратится в лес, а дети в лесу обратятся в животных.

Спустя столетие феномен огромной славы и колоссального влияния повторился – уже в другой стране и с другим писателем. Современники вспоминали: «Его имя было у всех на устах, все взоры были обращены на Ясную Поляну; присутствие Льва Толстого чувствовалось в духовной жизни страны ежеминутно»⁷. Напомню известную дневниковую запись А.С. Суворина от 29 мая 1902 года: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого»⁸.

В начале XX века «Журнал журналов и энциклопедическое обозрение» (1903) с гордостью замечал: «К каждому слову Л. Толстого с жадностью прислушивается весь современный мир, каждая строчка... на лету ловится не только нашей журналистикой, но и печатью всех государств Европы. Никогда еще русское слово не имело такого могущества, никогда еще русское слово не приобретало такого влияния и не поднималось до такой ослепительной высоты, как в словах и мыслях Льва Толстого»⁹.

Многие современники видели в Л.Н. Толстом живой, воплощенный в плоть и кровь символ достоинства печатного слова, отмечали, что он поднял печатное слово на высоту, недостижимую для преследования. Спустя полвека после смерти Толстого Владимир Набоков читал лекции по русской литературе американским студентам. Один из его учеников, Альфред Аппель, так вспоминал об этом: «Внезапно Набоков прервал лекцию, прошел, не говоря ни слова, по эстраде к правой стене и выключил три лампы под потолком. Затем он спустился по ступенькам – их было пять или шесть – в зал, тяжело прошествовал по всему проходу между рядами, провожаемый изумленным

⁶ Герцен А.И. Very Dangerous!!! // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 14. 1958. С. 117.

⁷ См.: Перцов П.П. Поездка к Толстому. Из старых воспоминаний [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/11/to.html>

⁸ Суворин А. Дневник. М.: Новости, 1992. С. 316.

⁹ См.: Высказывания о Льве Толстом [Электронный ресурс]. URL: http://www.journ.msu.ru/about/leo_tolstoy/statements_about_the_leo_tolstoy.php?print=Y

поворотом двух сотен голов, и молча опустил шторы на трех или четырех больших окнах... Зал погрузился во тьму... Набоков возвратился к эстраде, поднялся по ступенькам и подошел к выключателям. “На небосводе русской литературы, – объявил он, – это Пушкин!” Вспыхнула лампа в дальнем левом углу нашего планетария. “Это Гоголь!” Вспыхнула лампа посередине зала. “Это Чехов!” Вспыхнула лампа справа. Тогда Набоков снова спустился с эстрады, направился к центральному окну и отцепил штору, которая с громким стуком взлетела вверх: “Бам!” Как по волшебству в аудиторию ворвался широкий плотный луч ослепительного солнечного света. “А это Толстой!” – прогремел Набоков»¹⁰.

Рассуждая о преследованиях, современники Толстого имели в виду скорее всего судебные, уголовные преследования. Однако преследования, быть может, и было бессильно в масштабе истории, но принесло обоим – и Толстому, а еще раньше Вольтеру – немалые беды. Вольтер дважды перенес испытание Бастилией, многочисленные угрозы ареста, бегство из одной европейской страны в другую, постоянные обвинения в политической неблагонадежности. Его «Философские письма» были осуждены по приговору Парижского парламента на сожжение как книга соблазнительная, противная религии, добрым нравам и почтению к властям.

Толстой в бытность его службы мировым посредником прослыл, в свою очередь, опасным либералом. Репутация человека, не угнетающего и не обиравшего своих крестьян, чуть было не стала препятствием к назначению его мировым посредником. Помещики заявляли, что Толстой бросил между крестьянами и их бывшими владельцами семя раздора и разрушил патриархальные отношения между ними. Писателя обвиняли, будто он производит волнения среди крестьян, а они совершают массу незаконных действий по его внушению и приказанию. Мировое посредничество поссорило его со всеми окрестными помещиками.

Доброжелательность писателя к мужикам и недовольство местных помещиков не могло пройти даром и вызвало к жизни доносы и сыск. Полицейский осведомитель, отправленный в Ясную Поляну как на место преступления, уверял начальство, что Толстой пригнул студентов либерального толка, обзавелся типографией и готовит манифест по случаю тысячелетия Руси, ниспровергающий основы государства. Осведомитель сообщал, что в доме есть потайные двери и лестницы, а по ночам его стерегут многочисленные часовые.

Жандармы два дня стояли в имении лагерем, допрашивали каждого, кто попадался им под руку, входили без стука в комнаты, перетряхивали книги в библиотеке, изучали счета, рылись в шкафах, заглянули в рояль, осматривали нижнее и постельное белье. Из Ясной Поляны отправились в Никольское, где тоже не нашли ничего подозрительного, и вынуждены были доложить наверх, что дом меблирован скудно, что в нем нет ни потайных дверей, ни скрытых лестниц, ни типографского станка, ни телеграфа; что ни в Ясной Поляне, ни в

¹⁰ См.: Русские писатели. XIX век: Биографии. М.: Дрофа, 2000. С. 111.

Никольском не обнаружено никаких крамольных бумаг; что хозяин настроил против себя помещиков, встав на защиту крестьян; что быс мужиками держится просто, а с детьми в школе – по-дружески.

В гневе писал об этом Толстой своей двоюродной тетушке, Александре Андреевне, в июле 1862 года: «Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех; перечитал две переписки, за тайну которых я бы отдал все на свете, – и уехал, объявив, что он подозрительного ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, – я бы его убил! Мило! славно! Вот как делает себе друзей правительство. Ежели вы меня помните с моей политической стороны, то вы знаете, что всегда и особенно со времени моей любви к школе я был совершенно равнодушен к правительству и еще более равнодушен к теперешним либералам, которых я презираю от души.

Теперь я не могу сказать этого, я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, которое обыскивает у меня литографские и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, которые я презираю, которые я не имею терпения дочесть от скуки»¹¹.

И далее: «Как-то я писал вам о том, что нельзя искать тихого убежища в жизни, а надо трудиться, работать, страдать. Это все можно, но ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, которые приветливо улыбаются. Я, право, уйду, коли еще проживу долго, в монастырь, не богу молиться – это не нужно, по-моему, а не видать всю мерзость житейского разврата – напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах»¹².

Толстой вынужден был в этой связи обратиться и к императору Александру II, просил царя назвать имена доносчиков и восстановить справедливость – ведь при обыске жандармы объясняли, что действуют по высочайшему повелению. В августе 1862 года он писал: «Ваше Величество! 6-го Июля Жандармский Штаб-Офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости, студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер объявил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня; обысканы были: школа, подвалы и кладовые. Ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено. Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей тетке и моей сестре. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что он действует по Высочайшему повелению. Присутствие сопровождавших жандармских солдат и чиновников подтверждали его слова. Чиновники явились

¹¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 60. 1949. С. 428.

¹² Там же. С. 429.

в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника неп прочитанным и, уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были и наши судьи и от них зависело обвинить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер прибавил, однако, что отъезд его еще не должен окончательно успокоивать нас, он сказал: каждый день мы можем опять приехать.

Я считаю недостойным уверять Ваше Величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Всё мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и наконец журнал, в котором выражены все мои задушевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я принужден жить и действовать, посещение это совсем уронило меня во мнении народа, которым я дорожил, которого заслуживал годами и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности – основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству, я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мною. Себя я не могу обвинять: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по Высочайшему повелению.

Для того чтобы быть всегда столь же правым в отношении моего Правительства и особы Вашего Величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею Вашего Величества, чтобы безвинные были наказываемы и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться прямо к Вашему Величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени Вашего Величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени»¹³.

Спустя сорок лет, в январе 1902 году, Толстой адресовался уже к Николаю II, в том самом духе равенства, который завещал всем духовно свободным людям Вольтер.

«Любезный брат,

Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату. Кроме того еще и потому, что пишу Вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти. Мне не хотелось умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей

¹³ Там же. С. 440–441.

теперешней деятельности и о том, какую она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и Вам и какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь. Третью России находится в положении усиленной охраны, т. е. вне закона. Армия полицейских – явных и тайных – всё увеличивается. Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены, сверх сотен тысяч уголовных, политическими, к которым причисляют теперь и рабочих. Цензура дошла до нелепостей запрещений, до которых она не доходила в худшее время 40-вых годов. Религиозные гонения никогда не были столь часты и жестоки, как теперь, и становятся всё жесточе и жесточе и чаще. Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития и везде готовятся и неизбежно будут новые и еще более жестокие. И как результат всей этой напряженной и жестокой деятельности правительства, земледельческий народ – те 100 миллионов, на которых зиждется могущество России, – несмотря на непомерно возрастающий государственный бюджет или, скорее, вследствие этого возрастания, нищает с каждым годом, так что голод стал нормальным явлением. И таким же явлением стало всеобщее недовольство правительством всех сословий и враждебное отношение к нему»¹⁴.

Заканчивалось это письмо в еще более «вольнодумно», чем начиналось. «Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша ответственность перед Богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь и которую Бог дал Вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять его волю. Воля же его в том, чтобы делать не зло, а добро людям. Подумайте об этом не перед людьми, а перед богом и сделайте то, что Вам скажет Бог, т. е. Ваша совесть. И не смущайтесь теми препятствиями, которые Вы встретите, если вступите на новый путь жизни. Препятствия эти уничтожатся сами собой, и Вы не заметите их, если только то, что Вы будете делать не для славы людской, а для своей души, т. е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбил или огорчил вас тем, что написал в этом письме. Руководило мною только желание блага русскому народу и Вам. Достиг ли я этого – решит будущее, которого я, по всем вероятностям, не увижу. Я сделал то, что считал своим долгом.

Истинно желающий Вам истинного блага брат Ваш»¹⁵.

В беседе с Д.П. Маковицким (18 мая 1905 года) Толстой признался, что прежде дурные отзывы и резкие выражения о царе были ему неприятны, теперь же трудно найти слова, чтобы «достаточно резко писать про Николая и ему подобных»¹⁶. Николая считают священной особой, говорил писатель; в то время

¹⁴ Там же. Т. 73. 1954. С. 184–185.

¹⁵ Там же. С. 190–191.

¹⁶ Толстой Лев. Материалы и публикации. Тула, 1958, стр. 118.

как «надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы совершать то, что совершает Николай»¹⁷.

II. Мыслитель и вера

Борясь словом и делом против религиозных суеверий и против клерикального изуверства, Вольтер проповедовал идеи религиозной терпимости и в своих публицистических памфлетах, так и в своих художественных произведениях. Особое место во взглядах Вольтера занимало отношение к христианству вообще. Христианское мифотворчество Вольтер считал обманом. В 1722 году он пишет антиклерикальную поэму «За и против», где доказывает, что христианская религия, предписывающая любить милосердного Бога, на самом деле рисует Его жестоким тираном.

Нет, Бог мой не таков, и лжет изображение
Того, Кто в этом сердце свят.
Его, боюсь я, оскорбят
Такая похвала, такое поношение.
Услышь, Господь, молю, рожденное тоской,
Из сердца вырванное слово.
Неверью моему ты не отмстишь сурово,
Мой дух раскрыт перед тобой,
И сердце – не хулить, а чтить Тебя готово:
Я – не христианин; тем Ты верней любим¹⁸.

Истинным мучеником веры, русским Вольтером был и Л.Н. Толстой. «Как же я могу, – писал он в «Исследовании догматического богословия», – верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы о своей душе она отвечает жалкими обманами и нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь, что во всем том, что составляет самое драгоценное в моей жизни, я не должен сметь руководиться ничем иным, как только ее указаниями. *Цвет панталон я могу выбрать, жену могу выбрать, дом построить по моему вкусу, но остальное, то самое, в чем я чувствую себя человеком, во всем том я должен спроситься у них – у этих праздных и обманывающих и невежественных людей.* В своей жизни, в святые своей у меня руководитель – пастырь, мой приходский священник, выпущенный из семинарии, одуренный, полуграмотный мальчик, или пьющий старик, которого одна забота – собрать побольше яиц и копеек. Велят они, чтобы на молитве дьякон половину времени кричал многая лета правоверной, благочестивой блуднице Екатерине II или благочестивейшему разбойнику, убийце Петру, который кощунствовал на Евангелии, и я должен молиться об этом. Велят они проклясть, и пережечь, и перевешать моих братьев, и я должен за ними кричать анафема; велят эти люди моих братьев считать проклятыми, и я кричи анафема.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вольтер. За и против // Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 719. Пер. с франц. А. Кочеткова.

Велят мне ходить пить вино из ложечки и клясться, что это не вино, а тело и кровь, и я должен делать. Да ведь это ужасно!»¹⁹

Делом веры считал Толстой только жизнь по вере. «И жизнь одна выше всего и не может быть подчинена ничему, кроме Бога, познаваемого только жизнью»²⁰. «Исповедь» Толстого была запрещена духовной цензурой. Все произведения Толстого религиозного характера, включая повесть «Отец Сергей», главы «Воскресения», где речь идет об евхаристии, – были запрещены в России. Людей, распространявших его сочинения, ссылали и сажали, но самого Толстого не трогали, – такова была иезуитская тактика Победоносцева.

Русская интеллигенция, провозглашая Толстого творцом нового христианства, выражала общую тоску неудовлетворенности официальным православием. Поиск *правильной* веры в православной стране (уже много веков имевшей *правильную* веру!) становился явлением повседневным, на чем сходились и отшатнувшийся народ, и беспокойная интеллигенция. Но получалось так, что неверующий, который помалкивает, для официальной церкви предпочтительней, чем тот, кто ищет веру во всеуслышание. Богоискательство вызывало раздражение – зачем что-то искать, когда все давно найдено?

Толстой, как и Вольтер, защищал гонимых и обиженных. П.И. Бирюков, биограф Л.Н. Толстого, цитирует черновую (не отправленную) версию послания писателя Николаю II от начала декабря 1900 года в защиту духоборов. «...Из всех преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, – это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, – злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю – Победоносцевым. <...> Прогоните от себя этого злого и бездушного старика Победоносцева, который компрометирует вас и перед русским народом, и перед Европой, и перед историей, велите пересмотреть и уничтожить нелепые, противоестественные и позорные законы о гонениях за веру, которых нет ни в каких государствах и которые позорят тех, кто их поддерживает, прекратите всякие гонения за веру и верните всех сосланных, заключенных за то, что они исповедуют ту веру, которую даже не исповедуют ваши советчики, а только считают, что надобно исповедовать. Вы обязаны это сделать, потому что вы знаете, что гонение за веру дурно, и знаете, что десятки тысяч людей вашим именем подвергаются за веру страданиям, и знаете, что можете прекратить этот порядок вещей. Если же вы не сделаете этого, вы не можете не чувствовать себя виноватым, не можете спокойно отдаться никакому простому и доброму человеческому чувству: ни любви к семье, ни к людям, не можете спокойно пользоваться никакой радостью, не можете молиться...»²¹

¹⁹ Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия. Заключение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 23. Произведения 1879–1884 гг. 1957. С. 296–297. Курсив мой. – Л.С.

²⁰ Там же. С. 303.

²¹ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого: В 4-х т. [3-е изд.] М.; Пг: Госиздат, 1923. Т. 4. С. 15–

Потревоженный дух человека ищет смысла в мировой истории, в историческом христианстве, в судьбах веры и истины. Зачем каждое исповедание настаивает на своей исключительности и единственной правоте? От этого только быстрее, сокрушительней падает вера, уже и повсеместно. Из стратегии духовного безмолвия, жесткой цензуры, недостойных обманов складывался в России времен Толстого упрощенный тип православной церковности и церковной святости, обессиленных и уцененных: «осанна» за счет бездарной лжи и подтасовки таинств не наступала и наступить не могла. Толстой и многие его единомышленники не могли принять такого положения вещей, когда свой образ мыслей и свою веру люди будто сдавали на хранение в Синод, на попечение обер-прокурора. Победоносцеву же удалось внушить русскому духовенству, что простой народ спасается без всякого богословия, без всяких размышлений и без всякой культуры (и, уж конечно, без Толстого), спасается надежнее, чем не в меру пытливые и тем более сомневающиеся интеллигенты.

Как рождается сомнение? Прочитую шуточное стихотворение 1882 года, сочиненное в Ясной Поляне Львом Толстым для почтового ящика, который висел в передней его дома и куда опускали свои опусы все, кто хотел. Героини стихотворения: Татьяна Кузминская и две ее дочери, Маша и Вера.

При погоде, при прекрасной / Жили счастливо все в Ясной.

Жили веселясь. / Вдруг пришло на мысль Татьяне,

Что во Ясной во Поляне / Нельзя вечно жить.

Говорит себе Татьяна: / Нужно поздно или рано

Детям аттестат. / Отдам девочек в науку.

Произведу во всяку штуку. / Будут за мамзель.

Накупили книг, тетрадей, / Рады ль девочки, не рады,

Стали обучать. / И учили без печали.

Но, когда Закон начали, / Дело не пошло.

Никак Маша не усвоит. / А уж Вера в голос воет:

Не люблю Закон. / И, бедняжка, разбирая

Смысл изгнания из рая, / Вера говорит:

«Нам велят учить Закон. / Как Адама выгнал вон

Вместе с Евой Бог. / А учить это обидно,

Потому что ясно видно, / Что не надо знать».

Ведь за что изгнан Адам? / Говорит сама madame:

За curiosité. / Они много уж узнали.

Их за то вашей прогнали. / А я не хочу.

И не знает теперь мать, / Что на это отвечать,

Точно, мудрено!»²²

Семья Толстого гневно упрекала Победоносцева в намерении обмануть

16.

²² См.: Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969. С. 117–118.

современников писателя, солгать перед лицом истории. 1902 год: Толстой находился в Крыму и был очень болен, ожидали самого худшего. «...И вот, в самые тревожные минуты, которые переживались окружающими, последний акт Победоносцева, который показал этим, как мало он стеснялся средствами, состоял в том, что он отдал распоряжение местному духовенству, чтобы, как только станет известно о кончине Льва Николаевича, священник вошел в дом, занимаемый Л. Н-чем, <...> и, выйдя оттуда, объявил окружающим его и ожидающим у ворот лицам, что граф Толстой перед смертью покался, вернулся в лоно православной церкви, исповедался и причастился, и духовенство и церковь радуются возвращению в лоно церкви блудного сына. Эта чудовищная ложь должна была облететь всю Россию и весь мир и сделать то дело, которого не могла сделать за десятки лет ни русская цензура, ни гонения на сочинения Льва Николаевича»²³.

Но почти тоже самое случилось столетием ранее с Вольтером. Вражда и клевета преследовали его даже за гробом. Посмертные злоключения философа составляют печальный эпилог его жизни. Аббат Готье прокрался в дом Вольтера при первом же известии о его серьезной болезни. Во что бы то ни стало он надеялся отличиться перед католическими властями – для этого следовало вырвать у безбожника (каковым его считала официальная церковь) отречение от всех заблуждений. На какое-то мгновение аббату удалось склонить больного, ослабевшего и, быть может, упавшего духом Вольтера к чему-то похожему на примирительное заявление. Но, как окажется, больной все же не потерял присутствия духа и схитрил. Едва поправившись, он взял назад свое заявление, то есть фактически дезавуировал его. Когда же болезнь одолела философа бесповоротно, после его кончины пред глазами духовенства вместо выразительного и несомненного покаяния оказалось всего несколько слов самого общего содержания: они ни в коей мере не могли удовлетворить духовенство. Он умирал, преклоняясь перед Богом, в которого верил и которого почитал всем сердцем, любя своих друзей, не ненавидя своих многочисленных врагов и испытывая отвращение к предрассудкам.

Впрочем, существует легенда, согласно которой на предложение священнослужителей «отречься от Сатаны и прийти к Господу» Вольтер ответил: «Зачем перед смертью приобретать новых врагов?» Его последними словами была просьба – дать ему, ради бога, умереть спокойно.

В 1791 году останки Вольтера перенесли в Пантеон; церемония вылилась в грандиозную революционную демонстрацию.

Но сразу после кончины парижские священники с молчаливого согласия Людовика XVI отказались хоронить Вольтера, заявив, что тот не заслужил благочестивой могилы, а заслужил быть выброшенным на пустырь. Так не принято было хоронить даже бродячих собак. Поэтому друзья Вольтера, которые не отреклись от него и не убоились преследований, посадили

²³ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого: В 4-х т. [3-е изд.] Т. 4. Там же. С. 61–62. Здесь П.И. Бирюков цитирует (без ссылки) воспоминания последователя и сотрудника Л.Н. Толстого П.А. Буланже.

покойника в карету, сели с боков и тайно вывезли тело из Парижа: со стороны казалось, что в карете находится то ли спящий, то ли просто молчаливый путешественник. Легко удалось склонить деревенского священника за пределами столицы, где гонимому философу в склепе бывшего аббатства был дан временный приют.

Едва получив известие о смерти и посмертных злоключениях Вольтера, Екатерина II связалась со своим постоянным европейским корреспондентом бароном Мельхиором Гриммом, отправив ему любопытное послание, причем с таким расчетом, что содержание письма от 21 июня 1778 года обязательно станет известно всей Европе: «Получив ваше письмо, я вдруг ощутила всемирную утрату... Но возможны ли где-нибудь, кроме той страны, в которой вы живете, такие переходы от почета к обиде и от разума к безумию? После всенародного чествования через несколько недель лишать человека погребения, и какого человека! Первого в народе, его несомненную славу. Зачем вы не завладели его телом, и притом от моего имени? Вам бы следовало переслать его ко мне... Ручаюсь, что ему была бы у нас воздвигнута великолепная гробница. Но если у меня нет его тела, то непременно будет ему памятник. Осенью, вернувшись в город, я соберу письма, которые писал мне великий человек, и перешлю их вам. У меня их много. Но если возможно, купите его библиотеку и все, что осталось из его бумаг, в том числе мои письма. Я охотно и щедро заплачу его наследникам, которые, вероятно, не знают этому цены... Я устрою особую комнату для его книг»²⁴.

Конечно, подобное заявление Екатерины, особенно в той части, где она сожалеет о том, что тело «безбожника» не удалось похитить, взбесило французский двор. Но еще больше их возмутил факт, что «русские варвары» намерены наложить лапу на наследие Вольтера. Французский посол в Петербурге заявил официальный протест, настаивая на том, что библиотека – законное достояние Франции и не может покинуть ее пределов. Екатерина же весьма ядовито ему заметила, что нет никакой необходимости сохранять книги великого человека в стране, которая ему самому отказала в могиле.

Мытарства просветителей продолжились и за пределами земной жизни. С 80-х годов XVIII века и вплоть до XX века духовенство Русской православной церкви боролось с идеями и книгами французских философов-материалистов, добивалось конфискации и сожжения книг Вольтера. В 1868 году русской духовной цензурой уничтожена книга Вольтера «Философия истории», в которой духовные цензоры обнаружили *глумление над истинами и опровержение священного писания*. В 1890 году уничтожены «Сатирические и философские диалоги» Вольтера, а в 1893 — его поэтические произведения, в которых были найдены *антирелигиозные тенденции*.

Сегодня можно услышать упрек Вольтеру: чрезмерно преувеличивая фанатизм католиков, Вольтер насаждал ростки такого свободомыслия, которое,

²⁴ Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Вып. 23. С. 93–94.

добившись власти во Франции после 1789, за несколько лет затмило своей нетерпимостью и кровавыми гонениями на инакомыслие всю многовековую историю инквизиции.

Это вечный вопрос: в какой мере Карл Маркс отвечает за Ленина и Сталина, немецкие романтики и Ницше – за Гитлера, Толстой и вся русская литература – за русскую революцию.

И по сей день «роковой вопрос» – предмет ожесточенных и, пожалуй, неразрешимых споров.

Людмила Ивановна Сараскина,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Государственного института искусствознания
8(916)179-08-15
l.saraskina@gmail.com

Liudmila Ivanovna Saraskina
Doctor of Philology
Principal research fellow
State Institute of Art Studies
8(916)179-08-15
l.saraskina@gmail.com